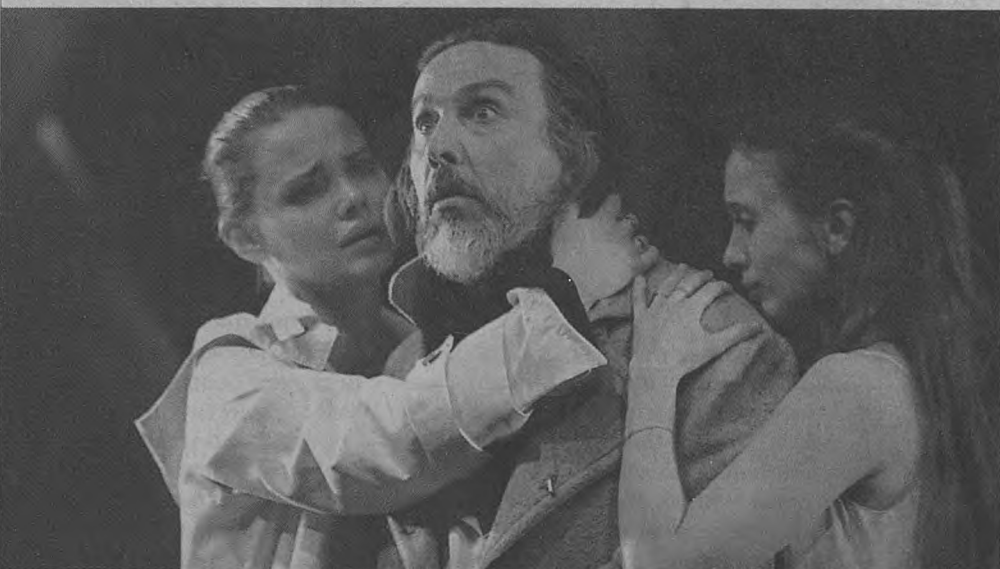

Трагическая пьеса для механического пианино

Король Лир и его дочери: **ОТ ЛЮБВИ ДО НЕНАВИСТИ — ОДНО ОБЪЯТЬЕ**

В афише знаменитого на весь мир питерского МДТ до недавнего времени было лишь одно шекспировское название — «Зимняя сказка» в постановке Деклана Доннеллана. Теперь появилось второе — «Король Лир» в постановке самого Льва Додина. Худрук МДТ работал над трагедией Шекспира почти три года. Иногда кажется, что всю жизнь.

Известия - 2006 - 22 марта - с. 10.

МАРИНА ДАВИДОВА

Несносный глава семьи, вызывающий одновременно страх и жалость, даже дочерей замуж по-человечески выдать не может. Он превращает все в до чертиков надоевший спектакль. Регана и Гонерилья участвуют в представлении. Корделия не выдерживает. Отец на старости лет стал совсем невыносим. Так начинается «Король Лир» Додина.

Пьеса Шекспира начинается иначе. У Додина предыстория трагедии лежит перед нами как на ладони: близкие люди измучили друг друга, продолжая друг друга любить. Отрицательная энергия аккумулировалась и привела к потрясению основ. У Шекспира предыстории нет. Конфликт и впрямь рождается у него, как вселенная у Бога — ex nihilo. Ему-то (Шекспиру) как раз и нужен был совершенно абстрактный, т.е. никакой, король, которого испытания на наших глазах превращают в личность. Трагическая вина этого героя — в абсолютной уверенности, что человек равен его социальному статусу, что его положение в обществе есть нечто сущностное и неотделимое от него. Трагическая вина Лира в исполнении Петра Семака совсем в другом. В невозможности расстаться с худшим в себе ради лучшего. И это — что принципиально — не только его вина.

У Шекспира две старшие дочери — инструменты, с помощью которых происходит операция по превращению короля в человека. У Додина Гонерилья (Елизавета Боярская) и Регана (Елена Калинина) — грациозные и незлобивые в общем женщины. К поступку Корделии (Дарья Румянцева) относятся с сочувствием. Они кажутся в какой-то момент тремя сестрами из совсем другой пьесы. Они почти увещевают отца: ну зачем тебе безобразная свита?! «Папа, ну зачем?!» Папа, папа, бедный папа... На лице Семака, который теперь с полным правом может называться артистом трагического масштаба, то и дело появляется вдруг скорбная гримаса усталости. Такая же была когда-то у Марлона Брандо в роли дона Карлеоне. Этому Лиру не из короля надо стать человеком. Скорее из крестного отца — просто отцом.

В самом финале три погибшие дочери, восстав из небытия, облаченные в царственные наряды, начинают кружить в танце во-

крут Лира. И в нем просыпается вдруг такая трогательная игривость. Такая нежность.

Это воспоминание героя или мечта? Если бы знать, если бы знать...

Тяготеющий к эпическому, а отнюдь не к трагическому жанру, Додин придает действию пьесы центристательную силу. Он рассказывает не историю одного человека как историю любого из нас, но скорее историю близких людей как историю всего человечества. Отношения героев вдруг обнаруживают здесь неожиданные переклички с «Московским хором», где домочадцы в тесной, заставленной до потолка каким-то бараклом коммуналки изводили друг друга. И тут изводят. Но не в коммуналке, а на пустом помосте. На голой земле, которую Боровский обрамил черными стенами и забил их крест-накрест белыми досками. Так забивают покинутые избы. Так заклеивают окна перед бомбежкой. Так обозначены несущие конструкции в факхверковых домах.

В этой предельно абстрактной театральной среде отношения персонажей предельно психологизированы, а потом оттенены кафе-шантаном верткого шута в котелке (резкая и яркая работа Алексея Девогченко), который, словно тапер, наигрывает весь спектакль на стоящем у сцены рояле. После очередного ернического пророчества этот игривый бес навсегда покинет сцену, но инструмент и после его ухода будет играть «пьесу для механического пианино». И вдруг ясно понимаешь, что главная особенность Додина — в фантастической способности совмещать несовместимое.

Я не знаю, видел ли Додин «Отелло» Люка Персеваля, где текст Шекспира был пересказан жестким современным языком, но во взятый за основу перевод Дины Додиной (высокохудожественно выполненный прозаический подстрочник), конечно же, вошла резкость того пересказа. Я не знаю, насколько значима была для Додина «Зимняя сказка» Доннеллана, но фирменный ход англичанина — герои на пустых подмостках, словно фигуры на шахматной доске, — тоже вошел в спектакль. Все это не отменило своеобразие театрального мира русского режиссера. Лишь обогатило его. В этом мире по-прежнему в микроскоп заглядывают, как в телескоп, а в социуме видят макрокосм.